

Феноменология Исламского сознания

Заид Абдулагатов

ЭКСТРЕМАЛЬНОСТИ ИСЛАМСКОГО СОЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕРЕСОВ СВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА (на примере Республики Дагестан)

Аннотация. Либерально-демократические преобразования последних десятилетий привели к тому, что в постсоветской России, в отличие от советского периода ее истории, появилось множество траекторий социализации личности. Эти траектории, развиваясь на основе плюрализма идеологий, зачастую сильно противоречат друг другу, порождая конфликты как внутри общества, так и между обществом и государством. В этом смысле наиболее конфликтными на Северном Кавказе являются взаимоотношения религиозной (исламской) и светской социализаций. На основе анализа деятельности духовных лидеров, данных социологических опросов и аналитических статей в печатных СМИ в Республике Дагестан автор приходит к выводу об ослаблении роли светских норм в регулировании социального поведения граждан в регионах с преобладающим мусульманским населением. Более того, идут латентные процессы становления экстремистского поведения части верующих, особенно молодежи. В анализе ситуации в целом автор считает необходимым использовать понятие «экстремальность сознания», которое позволяет говорить о явлениях, происходящих в рамках закона, но представляющих потенциальную опасность для стабильности светского государства.

Ключевые слова: экстремальность сознания; религиозная экстремальность; экстремизм; терроризм; мусульмане; духовные лидеры; государство; общество; шариат; закон; патриотизм.

Abstract. Liberal democratic reforms result in the fact that in post-Soviet Russia, unlike Soviet period in its history, many trajectories for personality socialization have appeared. These trajectories, developing on the basis of pluralism of ideologies, often strongly contradict each other; cause conflicts both inside the society and between the society and the state as well. In this respect interrelations between religious (Islamic) secular socialization in

North Caucasus are the most conflict. Based on the analysis of spiritual leaders' activity, data of sociological surveys and analytical articles in Dagestan mass-media the author has come to the conclusion about the weakening of the role of secular norms in regulation of citizens' social behavior in the regions with dominating Muslim population. Moreover, latent processes in formation of extremist behavior in a certain part of believers, especially youth, can be traced. Analyzing situation, the author considers necessary to use notion "extremality of consciousness" that makes it possible to speak about phenomena that take place within the law but constitute potential danger to secular state stability.

Keywords: *extremality of consciousness; extremism; Muslims; spiritual leaders; state; society; the Sheriat; law; patriotism.*

1. Особенности понятийного анализа ситуации

Экстремизм и терроризм – сущностно значимые понятия

Как правило, научные исследования современных идеологически оформленных преступных деяний проводятся на основе таких понятий, как экстремизм, терроризм. В то же время для социологического исследования негативных явлений религиозного, националистического, политического и другого характера понятие «экстремизм» оказывается недостаточным. Этим можно объяснить появление термина «экстремальность» в анализе результатов социологических опросов.

Экстремальность как различные формы максимализма

В социологических исследованиях последних лет термин «экстремальность» используется известными исследователями проблем молодежи Ю.А. Зубок и В.И. Чупровым. Согласно их определению, «под экстремальностью как сущностной характеристикой молодежи понимаются *различные формы максимализма в сознании и крайностей в поведении на групповом и индивидуально-личностном уровнях*» (курсив мой. – З.А.) [1, с. 39]. Однако это определение не дает ответа на вопрос об экстремистском поведении.

Экстремизм как сознательный выбор экстремальных способов поведения

Авторы переходят от данного определения к понятию «экстремизм», добавляя, что «экстремизм – это сознательный выбор экстремальных способов индивидуально- и группового поведения для достижения целей, представляющих угрозу и наносящих вред окружающим» [Там же, с. 43]. При этом экстремальность и экстремизм определяются авторами на основе данных социологического опроса. Называть человека экстремистом по результатам опроса было бы неправильно. В действительности это виртуальный, а не реальный экстремизм, поскольку он определяется в ходе социологического исследования сопоставлением одних фактов сознания с другими. Это

Реальный
экстремизм

«экстремизм в возможности»: показатели экстремизма, определенные таким образом, могут и не проявить себя в реальном социальном поведении.

Реальный экстремизм есть результат сложных процессов взаимоотношений экстремальности и противоположных ей составляющих сознания, таких как боязнь респондента быть наказанным по закону, состояние его правовой культуры (например, следуя примеру философа Сократа: «с законом не согласен, но подчиняюсь ему»), отношение к моральным нормам, общественному мнению, религиозным установкам и др.

Различение
экстремизма
в сознании и
в поведении вполне
возможно

Различение экстремизма в сознании и экстремизма в поведении возможно и где-то даже необходимо. Но отождествлять их недопустимо. С другой стороны, недопустимо и «размножение сущностей». Никакой опрос не может выявить экстремизм как реальный факт поведения. Анкета социологического опроса не дает ответы на вопрос об экстремизме как о факте социального поведения. В ходе опроса выявляются лишь факты сознания, а не реальные социальные действия личности, которые в полной мере могут быть вменены ей в вину или поставлены в заслугу. Человек не может быть обвинен и наказан за то, о чем и как он думает.

Факты сознания и
факты социального
поведения
различаются

Факты сознания и факты социального поведения – достаточно разные, хотя и связанные явления. Да и по закону речь идет об определенных действиях, которые в правовом поле классифицируются как экстремизм: это «насильственное изменение...», «публичное оправдание...», «возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни» и др., что вполне приемлемо и для научного подхода к проблеме [2], хотя научные и правовые определения часто не совпадают. Именно поэтому в анализе результатов опроса автор пользуется понятием «экстремальность», а не «экстремизм», подразумевая под этим только факты сознания, а не реальные действия, подпадающие под статью закона.

Экстремальность
сознания,
обусловленная
исламским
влиянием

Опрос поставил задачу выявления экстремальностей сознания опрошенных, обусловленных религиозным (исламским) влиянием. Экстремальность сознания – это крайность, которая проявляет себя в рамках закона. В то же время это крайность, способная иметь нежелательное с точки зрения интересов государства и общества развитие в направлении практики насильственного экстремизма, терроризма.

Действительное влияние уровня экстремальности на экстремизм может быть выявлено сопоставлением статистики экстремизма и терроризма с показателями

экстремальности, выявляемой методами социологического опроса.

2. Религиозная экстремальность и экстремизм в сфере деятельности духовных и светских лидеров

Экстремизм как деятельность, противоречащая светским нормам государства

Деятельность, противоречащая светским нормам государства, проводилась и проводится лидерами различных религиозных сообществ России. В частности, лидеры РПЦ и мусульманских центров России считают, что каждая религия, если ее исповедует большая часть населения отдельно взятого государства, имеет право строить на основе своих идеалов не только личную, но и общественную и государственную жизнь. Как следствие, решение конфликтов на Северном Кавказе видится Патриархом Московским и Всея Руси Кириллом и Председателем Совета муфтиев России Равилем Гайнутдином в переходе к религиозной системе законов, то есть к шариату [3]. При этом духовные лидеры ссылаются на историческое прошлое, когда религия определяла и общественную, и государственную жизнь. Эти установки в современных условиях находят поддержку в среде мусульманских лидеров Северного Кавказа.

Можно заметить, что об этом же говорили многочисленные заявления лидеров незаконных вооруженных формирований (НВФ) на Северном Кавказе [4].

Многочисленные посетители мечетей воспитываются в духе крайнего клерикализма

Естественно считать, что многочисленные посетители мечетей, не говоря уже о непосредственно подчиненных духовным лидерам, воспитываются в этом духе крайнего клерикализма, который в XXI веке в светском государстве является крайностью религиозного сознания, экстремальностью.

Проявления экстремального сознания

Проявления экстремального сознания, будучи практически реализованными, нередко подпадают под соответствующую статью закона «О противодействии экстремистской деятельности» (ФЗ от 25 июля 2002 г.). Такого рода деятельность в Республике Дагестан (РД) отражена даже в учебниках для средних общеобразовательных школ.

Пропаганда исключительности исламской религии

В учебнике по истории религий для учащихся 8–9 классов общеобразовательной школы без всякой на то надобности идет критика атеизма, пропаганда исключительности религиозного мировоззрения [5, с. 3]. Более того, идет пропаганда исключительности исламской религии: «Ислам религия... согласно которой жили все пророки, начиная от Адама... <...> ...Принявшие ислам очищают свою веру от искажений и возвращаются в истинную религию своих предков – Адама, Ноя, Авраа-

Авторы учебников
общеобразователь-
ных школ РФ
позволяют себе
критиковать
сакральные
ценности других
религий

ма, Моисея, Иисуса» [5, с. 199–200]. Такая трактовка исламских ценностей не может быть принята представителями различных направлений христианства и иудаизма. Идет откровенная борьба против светских ценностей: «Семья потеряла контроль над своими детьми в результате введения всеобщего среднего образования» [Там же, с. 299–300].

Авторы другого школьного учебника, принятого государством для общеобразовательных школ РФ, также позволяют себе критиковать сакральные ценности других религий. В нем говорится, что ислам запрещает изображать Бога в рисунке или скульптуре, чтобы люди «не уподобились язычникам» [6, с. 27]. Ни один православный, католик или протестант, для которого икона имеет священный, сакральный смысл, не согласится с утверждением, что он язычник. Это примеры экстремальности, которые нашли практическую реализацию. Согласно закону, они должны оцениваться как религиозный экстремизм, так как имеет место пропаганда исключительности исламской религии.

Экстремальность и экстремизм в исламской деятельности духовных лидеров в РД наблюдаются в следующем*:

1. Духовные лидеры, вопреки закону, предъявляют требования разрешить преподавать историю религий в общеобразовательных школах людям с теологическим образованием [7].

2. Духовные лидеры инициируют разрушение не соответствующих исламу памятников умершим, в частности, по своей инициативе разбивают портреты на надгробиях (в исламе запрещено изображение людей и животных). В селении Гуни Казбековского района РД имам местной мечети разбил портрет погибшего от рук бойцов подполья офицера, старшего лейтенанта полиции МВД РФ по Хасавюртовскому району [8]. Такого рода явления имели место и в других населенных пунктах РД, и даже со стороны рядовых верующих, следующих примеру имамов. В одном селении взорвали памятник известному революционеру У. Буйнакскому, в Махачкале – имаму Шамилю.

3. Несколько лет назад Духовное управление мусульман Дагестана (ДУМД) приняло решение об изъятии из сферы торговли книг, которые, по мнению его представителей, являются экстремистскими. В их

Духовные лидеры
инициируют всякого
рода разрушения

Изъятие из сферы
торговли
экстремистской
литературы

* Автор обращается лишь к наиболее значимым, по его соображениям, положениям. – *Ред.*

числе оказались работы известных авторов с мировым именем – В. Пороховой, Э. Кулиева, лауреата Государственной премии РФ М.-Н. О. Османова и др. ДУМД обратилось ко всем продавцам и распространителям печатной продукции с предупреждением о недопустимости продажи книг, список которых не согласован с Экспертным советом ДУМД [9]. Эта процедура реализовывалась при поддержке работников правоохранительных органов.

«Не следуй за неверными...»

4. Кораническое «Не следуй за неверными...» [10] духовные лидеры нередко понимают как категорическое неповиновение другим, в том числе и светским законам. Такие установки даются не только духовными лидерами республики, но и исламскими проповедниками, которых власть и ДУМД приглашают в Дагестан с целью умирения радикальных салафитов.

Наставления дагестанским мусульманам

Генеральный секретарь Всемирного союза мусульманских ученых (ВСМУ), шейх Али Мухиддин аль-Карадаги дает такие наставления дагестанским мусульманам: Дагестан является территорией ислама, «а значит, на нее должны распространяться законы территории ислама, а ее правители должны стремиться к применению норм Шариата» [11]; «вы обязаны жить по шариату» [12, с. 47]; «служение Родине, с тем чтобы такой патриотизм не противоречил религиозной преданности в рамках достижения блага» [Там же, с. 83]. Такого рода наставления противоречат умеренности в исламе и не способствуют признанию мусульманином светских законов. В республике, где принят закон о противодействии ваххабитской и иной экстремистской деятельности, Али аль-Карадаги говорит о том, что книга Мухаммада Абдель Ваххаба «*Таухид*» «не является экстремистской или противоречащей исламу и не призывает к убийству» [Там же, с. 42].

«Война с иноверцами – это религиозная обязанность» каждого

В такого рода деятельности, направленной против интересов светского государства, установленных им норм, духовные лидеры Дагестана не исключение. Так, Духовное управление мусульман Республики Татарстан (ДУМ РТ) выпустило для своих медресе средневековый ханафитский труд «*Мухтасар аль-Кудури*», где утверждается, что «война с иноверцами (*куффар*) – это религиозная обязанность (*ваджиб*), даже если они не нападают на нас» [Рустам Батыр]. Эти призывы, как справедливо подчеркивал Р. Батыр, «не идеологов ДАИШ*, а автора

* ДАИШ – арабское название запрещенной в РФ группировки ИГИЛ.

ханафитской книги, которую ДУМ РТ издало в качестве учебника для своих религиозных учебных заведений. Причем она была одобрена к печати решением Экспертного совета ДУМ РТ (№ 13-060), ответственного за богословский контроль издаваемой литературы» [13].

Как сообщалось в СМИ, парламент Чечни 31 марта 2017 г., вопреки указаниям Минобрнауки РФ и даже решению суда, принял поправки к местному закону об образовании, разрешающие учащимся носить одежду, которая отражает их религиозные верования.

5. Все исламские нормы без достаточных на то оснований считаются общечеловеческими и навязываются обществу.

6. Такие государственные учреждения, как Комитет по делам религий, межрелигиозных взаимоотношений, Министерство по делам молодежи РД, ведут свою деятельность в русле развития религиозных ценностей. В настоящее время комитетом руководит бывший имам мечети, то есть духовный лидер. Ислам проникает в сферу государственной деятельности Дагестана.

7. В государственных средствах массовой информации РД часто ведется пропаганда исключительности исламской религии, нередко оскорбительные оценки других мировоззрений. Так, в журнале «Дагестан», являющемся государственным изданием (учредитель – Министерство печати и информации РД), главный редактор заявляет, что «атеисты, космополиты... и прочая шваль» чужды для страны гор [14, с. 1].

3. Результаты социологических опросов

Сущностно значимые для исследования заявленной проблемы вопросы: «Имеют ли место в Дагестане проявления экстремальности массового исламского сознания?», «Если да, то в какой форме, в какой степени они проявляются?»

Опрос, которым были охвачены три географические зоны Республики Дагестан (равнинная, предгорная, горная), проводился в конце 2016 года в трех городах и четырех сельских районах. *Города:* Махачкала, Дербент, Буйнакск. *Сельские районы:* Казбековский (с. Дылым), Каякентский (с. Усемикент, с. Новое Викри), Унцукульский (с. Шамилькала, с. Унцукуль), Магарамкентский (с. Магарамкент). *Выборка* – 776 человек. Ошибка репрезентативности выборки с вероятностью 0,95 для Республики Дагестан не превышает 3,6%. Процент – от числа ответов.

Ислам проникает в сферу государственной деятельности Дагестана

Сущностно значимые для исследования заявленной проблемы вопросы

Какие нормы, светские или исламские, наиболее значимы для решения общественных проблем

Одним из вопросов анкеты был вопрос о том, какие нормы, светские или исламские, наиболее важны в решении общественных проблем. Индикатором экстремальности сознания опрошенных было доминирование в светском государстве исламских норм в решении общественных проблем.

Большая часть опрошенных связывает решение проблем общества с шариатом

Результаты опроса показывают особую значимость следующих позиций опрошенных.

1. Большинство опрошенных связывают решение проблем общества с религией, шариатом, а не со светской наукой, светскими законами.

2. Неверующие почти в четыре раза меньше верующих считают приоритетными для общества религиозные нормы и в два с лишним раза больше, чем верующие, надеются на светскую науку, законы. То есть в РД имеет место выбор религиозных норм для решения общественных проблем в светском государстве по причине высокой религиозности населения. Это говорит об экстремальности религиозного сознания.

3. Сельское население больше, чем городское, расположено к реализации шариатских норм в обществе.

Молодежь чаще старшего поколения указывает на роль религии в решении общественных проблем

4. Различия между ответами молодежи и старшего поколения на данный вопрос определяют возможные тенденции развития отношения населения РД к реализации законов государства в общественной жизни. Молодежь значительно чаще старшего поколения указывает на роль религии в решении общественных проблем (47,6% против 24,5%). Причем наивысший показатель по данной позиции в возрастной группе до 20 лет – 50,1%. Таким образом, налицо не только экстремальность сознания, обусловленная приоритетом религиозных ценностей, но и возможность ее роста.

Следующий вопрос касался соблюдения верующими законов государства. При этом учитывалось, что в умеренном исламе допускается следование мусульманина иным, в том числе светским, законам государства проживания, но при условии, что в сознании верующего законы Аллаха стоят выше остальных [15, с. 310].

Али аль-Карадаги посоветовал дагестанским мусульманам соблюдать законы общества, не противоречащие установкам шариата

Вопрос, заданный респондентам, возник в анкете после того, как генеральный секретарь Всемирного союза мусульманских ученых (ВСМУ) Али аль-Карадаги, приглашенный в Дагестан Комитетом по делам религий и ДУМД, дал совет дагестанским мусульманам: «Соблюдение законов, не противоречащих установкам исламского шариата» [12, с. 83]. Это наставление неожиданным образом появилось перед каждым участником республиканской научно-практической

конференции «Феномен экстремизма, терроризма и ксенофобии на Северном Кавказе: факторы генезиса, пути и способы противодействия» (Махачкала, 30 сентября 2015 г.) в виде оформленных в цвете листовок. Конференция проводилась Министерством по делам молодежи РД. Листовки имели назидательное обращение, написанное крупными буквами: «Будем разборчивы... с Али аль-Карадаги». На самом деле высказывание Али аль-Карадаги в тексте листовки приобрело более категоричную форму: «Соблюдение законов государства обязательно, если есть четкое понимание, что они не противоречат шариату»*.

В вариантах ответов давались позиции амбивалентного характера

В вариантах ответов давались позиции как религиозного, так и светского характера причин возможного несоблюдения респондентами законов государства. Индикаторами экстремальности сознания, определенно влиянием религии, были такие варианты ответов, как: 1 – несоблюдение закона, если он противоречит вере; 2 – соблюдение закона при условии, если мусульманин считает его второсортным, стоящим ниже норм шариата; 3 – верующий должен жить только по шариату.

Немало исламских лидеров считают, что религиозные нормы и законы государства не противоречат друг другу

Ответ «Да, если законы (государства) не противоречат вере», выбранный преобладающим большинством опрошенных (62,0%), требует интерпретации. Немало исламских (и христианских) лидеров считают, что религиозные нормы и законы государства не противоречат друг другу. В действительности же различия есть, и они носят существенный характер. Одно из основных и непримиримых противоречий религиозной нормативности и законов светского государства состоит в том, что *религия есть идеология теоцентризма, а светская идеология – антропоцентризма*.

Конституции РФ и РД делают акцент на правах человека

Конституции РФ и РД делают акцент на правах человека, которые выше прав коллектива, этнического сообщества и даже государства. Человек – и никто другой, и ничто иное – есть «пуп Земли». Совершенно другое говорит теоцентризм: человек – существо грешное, не он главный, а Бог.

Эпоху Просвещения (XVII–XVIII века) церковь считает временем ереси потому, что она отвергала теоцентризм, утверждала внимание к проблемам человека. Религия и сегодня не прекращает борьбу с этими идеями.

Отвергая антропоцентризм, духовные лидеры утверждают, что «эта ересь, возникшая в сложные века

* В архиве автора есть листовка с цитируемым содержанием, распространенная среди участников конференции.

Нового времени, сегодня распространилась по всему миру, вытесняя веру в Бога. Вера в Бога заменяется верой в могущество человека» [16]. Нельзя не заметить, что религиозное сообщество не приемлет понятие «гуманизм» как акцент на идеях антропоцентризма и, как следствие, – антиклерикализма. Как считают отдельные эксперты, с подачи религиозных лидеров России, на слово «гуманизм» был наложен запрет в модулях школьного курса «Основы религиозных культур и светской этики» (ОРКСЭ) [17].

Противоречия светского и религиозного в современной жизни мусульман

Приведенные выше явления далеко не исчерпывают противоречий светского и религиозного в современной жизни мусульманина. Эти противоречия ярко обозначены и в вопросах многоженства, и в деятельности банковской системы, и в вопросах взаимоотношений светской и религиозной нравственности, изобразительного искусства (рисунок, живопись, скульптура) и др. Именно они – причина и повод для исламского протеста не только в РД, но и в любом другом социальном пространстве, где сосуществуют исламские и светские нормы. Поэтому 62,0% опрошенных, заявивших, что не обязаны соблюдать законы государства, если те противоречат вере, находят реальные причины такому протесту.

Эта позиция в религиозном сознании верующих республики подкрепляется тем, что есть группа, которая считает невозможным ни при каких обстоятельствах соблюдать законы государства. Считающих, что «верующий должен жить только по шариату», оказалось 3,8%. Это жесткое ядро противодействия светскому государству в республике. Несмотря на кажущуюся малочисленность данной группы, для мирной жизни в РД это много.

Возрастает негативное влияние религии на правовую культуру дагестанцев

О том, что в будущем негативное влияние религии на правовую культуру дагестанцев будет возрастать, говорят еще два факта опроса.

1. Наиболее жестко против законов государства настроена не просто молодежь, а его самая младшая группа – в возрасте до 20 лет. Приведенные выше два показателя у нее соответственно равны 70,4% (не соблюдать закон, если он противоречит вере) и 4,9% (верующий должен жить только по шариату).

2. По опросу, проведенному в РД в 2004 году, несоблюдение законов государства по религиозным причинам допускали 56,7% опрошенных, в 2016 г. – 64,0%. Развитие этой тенденции опасно для светского государства.

Полученные результаты опроса подтверждаются рядом других исследований.

Еще один вопрос, заданный респондентам, был продолжением и конкретизацией предыдущего. Речь в нем шла не о всех законах, нормах государства, а о тех, с которыми человек непосредственно сталкивается на работе, о влиянии религиозности на выполнение служебных обязанностей дагестанца.

Экстремальность сознания – условие становления экстремиста и террориста

Экстремальность сознания – условие становления экстремиста и террориста. Полученные данные говорят о состоянии этого этапа у дагестанского мусульманина. Разумеется, не все из 44,7% опрошенных не станут исполнять свой служебный долг, если он противоречит исламским нормам. Возможно, ни один из них не станет террористом. Тем не менее поборники исламской нормативности не только говорят о первичности норм шариата в сознании, но и недвусмысленно дают понять, что законы государства, служебные обязанности в случае их несоответствия нормам ислама можно игнорировать.

Такая позиция есть одновременно отход от умеренности в исламе. Умеренных в выборке оказалось всего 16,6%.

Клерикалистская тенденция не соответствует светскости государства

Достаточно четко обозначена клерикалистская тенденция, не соответствующая светскости государства. Об этом говорит, прежде всего, различие в ответах групп молодежи и старшего поколения – 52,0% против 31,6% в поддержку шариата. Кроме того, шариатская позиция формируется чаще всего в религиозных учебных заведениях, а сельские жители в ответах на вопрос более консервативны, чем городские.

Проблемы современного российского государства

Следующий вопрос анкеты касался особенностей проявления патриотизма дагестанца, влияния религии (ислама) на его патриотическое поведение. Вопрос был задан потому, что в дагестанских СМИ можно встретить прямые указания на то, что мусульманин не может быть патриотом нешариатского государства [19]. Очевидно, что несколько тысяч дагестанцев, которые воюют против интересов России на стороне ИГИЛ*, считают, что это действительно так. Также хорошо известно, что российский патриотизм стал проблемой для современного российского государства: о необходимости повышения в жизни россиян роли гражданского патриотизма говорят и политические лидеры государства [20]. Не так давно, в октябре 2016 года, Президент РФ поддержал идею принятия закона о российской нации.

В опросе, проведенном автором среди молодежи РД в 2010 году, на первое место выдвинулась позиция:

* Деятельность ИГИЛ запрещена в РФ.

Влияние
религиозного
фактора на
межэтнические
отношения россиян

«Я хотел бы родиться в исламском государстве, где люди живут по законам шариата» (37,1%). Группа, идентифицирующая себя как «прежде всего мусульмане», поддержала эту позицию еще активнее – 49,6%. Желающих «родиться в России» оказалось всего 22,4% опрошенных.

Влияние религиозного фактора на российский патриотизм в том же опросе подтверждается отношением респондентов к русскому человеку. Жить рядом с русскими людьми в определенных условиях (рядом нет представителя своего этноса) в начале 90-х годов прошлого века, по данным социологического опроса, проведенного автором, изъявляли желание от 40 до 50% представителей дагестанских этносов. Они же выбирали друг друга (аварец – даргинца, кумык – лакца и т.д.) в количестве 4–8%. Спустя 20 с лишним лет желание жить рядом с русским человеком у дагестанцев сильно поубавилось – до 14,4% в общей выборке. Причем, что важно в связи с обсуждаемым вопросом, среди тех, кто считает себя прежде всего гражданином России, таковых оказалось 17,1%, прежде всего мусульманином – 11,2%. У верующих этот показатель соответственно равен 14,1%, у неверующих – 27,8%. *Среди учащихся, студентов исламских учебных заведений, принявших участие в опросе, не оказалось ни одного, кто бы изъявил желание жить с представителями русского народа.*

Обращает на себя внимание следующий результат опроса: среди трех молодежных возрастных групп опроса наименьшее желание жить рядом с русским человеком выразили самые молодые, в основном школьники (от 15 до 18 лет) – 12,3% (от 18 до 25 лет – 16,8%, от 25 до 30 лет – 22,5%).

Результаты опроса 2016 года о возможности для мусульманина быть патриотом нешариатского (исламского) государства представлены в таблице.

Обращают на себя внимание следующие показатели.

1. Наилучшее сочетание мусульманского сознания и российского патриотизма выражают служащие (54,5%) и старшее поколение (53,4%). У них же наименьший показатель по позиции «мусульманин не может быть патриотом нешариатского (исламского) государства» – по 13,8%.

2. Наименьший российский патриотизм под влиянием религии выражают учащиеся и студенты религиозных учебных заведений и представители духовенства.

3. То, что всего 44,7% опрошенных говорят «да» возможности мусульманину быть патриотом России, свидетельствует о низком уровне российского патриотизма

Общероссийские
показатели
патриотизма
значительно выше

дагестанцев, определяемого религиозным (исламским) влиянием.

Как показывают опросы, общероссийские показатели патриотизма значительно выше. Так, если показатель сельского населения Дагестана по данной позиции равен 44,1%, то, по результатам исследования И.В. Воробьевой, в российской деревне в среднем он выше – 70% [21, с. 92]. По опросам, проведенным Институтом социологии РАН в 2014–2016 годах, «и для верующих разных конфессий, и для атеистов Родина, гражданская идентичность одинаково важны» [22]. Видимо, общая оценка ситуации по России в целом не всегда точно характеризует региональные особенности социальных явлений. А они очень важны, особенно в проблемных регионах.

Другими значимыми показателями экстремальности мусульманского сознания являются ответы на вопрос: «Могли бы Вы по каким-либо причинам оказаться в рядах, воюющих на стороне ИГИЛ?» (РД, 2016). Ответ «да» дали 3,5% респондентов из группы молодежи. То, что данная экстремальность обусловлена религиозными причинами, видно по тому, что среди учащихся и студентов исламских учебных заведений республики таковых оказалось 10,3%.

Распределение ответов на вопрос:

«Как Вы думаете, может ли мусульманин быть патриотом нешариатского (исламского) государства?» (РД, 2016)

Группы опроса	Варианты ответа		
	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
Молодежь	41,0	19,3	21,3
Старшее поколение	53,4	13,8	16,2
Учащиеся, студенты светских учебных заведений	43,3	18,9	23,0
Учащиеся, студенты религиозных учебных заведений	22,7	31,8	22,7
Рабочие, крестьяне	44,2	23,1	15,4
Служащие	54,5	13,8	15,0
Духовные лица	40,0	50,0	10,0
Город	45,5	14,2	20,0
Село	44,1	21,8	18,7
Общее	44,7	18,4	19,3

4. Показатели экстремизма в массовом религиозном поведении дагестанцев

Практика исламской деятельности в РД показывает, что экстремальности сознания находят свою экстремистскую, террористическую реализацию.

Глава ФСБ Александр Бортников считает, что в Сирии, только по подтвержденным данным, на стороне ИГИЛ и других отрядов воюют свыше четырех тысяч дагестанцев [23]. По данным этнолога А. Ярлыкапова, таковых в Сирии не меньше пяти тысяч. Эти показатели экстремистской активности дагестанцев подтверждаются сведениями, которые уже на протяжении нескольких лет публикуются в «Российской газете» в рубрике «Перечень дополнен». Речь идет о перечне экстремистов, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму на основании подпунктов 1–3 пункта статьи 2.1 статьи 6 Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма». Перечень готовится серьезной организацией – Минфинмониторингом (финансовой разведкой) РФ.

Автор
проанализировал
пять субъектов РФ

В 12 списках, опубликованных в 2013–2016 годах, автором были проанализированы наиболее значимые по исламской активности пять субъектов РФ: Дагестан, Чечня, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Татарстан [24]. Бросается в глаза относительно высокий показатель числа вошедших в Перечень от Дагестана – 32,6%, то есть почти треть от российского списка. Общее количество дагестанцев, вошедших в Перечень, оказалось значительно больше, чем из ЧР, РИ, КБР, РТ, вместе взятых: 741 против 376. В процентном выражении внутри списка это отношение равно $32,6 : 16,6$.

По данным прокуратуры РД, в 2016 году «заблокирован доступ к 500 экстремистским интернет-ресурсам, ограничен доступ к девяти социальным группам общей численностью свыше 50 тысяч участников, которые занимались пропагандой идеи терроризма» [25].

5. Основные результаты исследования

Экстремальность
религиозного
сознания
в Дагестане

Результаты исследования говорят о том, что государство в исследуемом регионе не уделяет должного внимания процессам, которые систематически формируют экстремальности религиозного сознания. Эти процессы в РД в основном реализуются традиционной исламской социализацией, проводимой в многочислен-

ных мечетях (около 2 тысяч), в системе исламского образования и воспитания (в 2001 году – 13 515 учащихся исламских учебных заведений [26, с. 99–100]), в активной исламской издательской деятельности. Процессы исламской социализации идут при активной поддержке власти. Нет оснований считать, что в других исламских республиках РФ ситуация иная. В связи с этим одна из основных задач государства в решении сложных вопросов профилактики экстремизма и терроризма видится в усилении роли светских, а не религиозных ценностей в жизни общества, имеющего светскую Конституцию.

3. *Зубок Ю.А., Чупров В.И.* Молодежный экстремизм. Сущность и особенности проявления // Социологические исследования. – 2008. – № 5. – С. 37–47.

4. О противодействии экстремистской деятельности: федеральный закон. – URL: <http://www.docs.ru/document/90183502> (дата обращения: 20.01.2016).

5. *Недумов О.* Новый взгляд на истоки религиозных конфликтов // Независимая газета. – 14 ноября 2000 г.

6. *Магомедов М., Мустафаев Т.* Моя борьба. Финал... // Черновик. – № 26. – 8 июля 2005 г.

7. *Гойтимиров Ш.И.* Основы истории религий: учебник для 8–9 классов общеобразовательных школ. – Махачкала, 2009.

8. *Латышина Д.И., Муртазин М.Ф.* Основы исламской культуры. 4–5 классы: учеб. пособие для общеобразовательных учреждений. – М., 2010.

9. *Адамова Р.* На Севере по-прежнему жарко // Новое дело. – 2 ноября 2012 г.

10. *Гереев Р.* Закон Божий или «закон светский» // Настоящее время. – 8 июня 2012 г.

11. Обращение-предупреждение к продавцам и распространителям печатной продукции // Ас-салам.* – № 7. – Апрель 2004 г.

12. Коран. Сура 25, аят 52 / пер. с араб. и коммент. М.-Н. О. Османова. – М., 1999.

13. Фетва о приемлемости термина «дар ас-салам валь-ислам» к Дагестану и подобным ему областям. – URL: <http://www.Kavkaz-uzel.ru/articles/21435> (дата обращения: 3.11.2014).

14. Материалы Международной богословской конференции «Российские мусульмане: права и обязанности». – Махачкала, 2014.

* Религиозная газета Дагестана (тираж более 100 тыс. экз.).

13. *Батыр Р.* Учение Абу Ханифы попало в ДУМ РТ под негласный запрет? – URL: <http://https://www.business-gazeta.ru/article/338218%2029.03> (дата обращения: 29.03.2017).
14. *Бисавалиев М.* Отступать некуда, позади Дагестан // Дагестан. – 2017. – № 3. – С. 1.
15. *Али-заде А.* Такфир // Исламский энциклопедический словарь. – М., 2007.
16. *Яковлева Е.* Кризисный Крит // Российская газета. – 14 июня 2016 г.
17. *Зубец О.Е.* Экспертная оценка оригинал-макета учебника «Основы светской этики». 4–5 кл. Бондаренко Л.И., Перов В.Ю. – URL: <http://www.iph.ras.ru/page/50062154.htm> (дата обращения: 13.10.2012).
18. Новое дело. Раздел «Вопрос – ответ». – 12 мая 2013 г.
19. *Путин В.В.* Россия: национальный вопрос // Независимая газета. – 23 января 2012 г.
20. *Воробьева И.В.* Патриотические установки жителей села // Смыслы сельской жизни (опыт социологического анализа) / под ред. Ж.Т. Тощенко. – М., 2016.
21. *Дорынина Е.* «Аврора» нам не снится // Российская газета. – 20 марта 2017.
22. *Алиев Ш.* Размен позиций // Черновик. – 21 октября 2016 г.
23. Перечень дополнен // Российская газета, 15.11.2013; 15.01.2014; 27.04.2015; 20.07.2015; 21.08.2015; 14.09.2015; 19.10.2015; 17.11.2015; 14.03.2016; 06.04.2016; 18.05.2016; 14.10.2016.
24. Почти десяток экстремистских социальных групп и 500 сайтов заблокированы в Дагестане в 2016 году – прокуратура. – URL: <http://www.interfax-russia.ru/South/news.asp?id=800377&sec=1671> (дата обращения: 20.01.2017).
25. Религии и религиозные организации в Дагестане: справочник. – Махачкала. 2001.

References

1. Zubok Yu.A., Chuprov V.I. Molodezhnyj ekstremizm. Sushchnost' i osobennosti proyavleniya. In: *Sociologicheskie issledovaniya*. 2008. No. 5, pp. 37–47 (in Russian)
2. *O protivodejstvii ekstremistskoj deyatel'nosti: federal'nyj zakon*. URL: <http://www.docs.ru/document/90183502> (data obrashcheniya: 20.01.2016). (in Russian)
3. Nedumov O. Novyj vzglyad na istoki religioznyh konfliktov. In: *Nezavisimaya gazeta*. 14 noyabrya 2000 g. (in Russian)

4. Magomedov M., Mustafaev T. Moya bor'ba. Final.... In: *Chernovik*. No. 26. 8 iyulya 2005 g. (in Russian)
5. Gojtimirov Sh.I. *Osnovy istorii religij: uchebnik dlya 8–9 klassov obshcheobrazovatel'nyh shkol*. Mahachkala, 2009. (in Russian)
6. Latyshina D.I., Murtazin M.F. *Osnovy islamskoj kul'tury. 4–5 klassy: ucheb. posobie dlya obshcheobrazovatel'nyh uchrezhdenij*. Moscow, 2010. (in Russian)
7. Adamova R. Na Severe po-prezhnemu zharko. In: *Novoe delo*. 2 noyabrya 2012 g. (in Russian)
8. Gereev R. Zakon Bozhij ili “zakon svetskij”. In: *Nastoyashchee vremya*. 8 iyunya 2012 g. (in Russian)
9. Obrashchenie-preduprezhdenie k prodavcam i rasprostranitelyam pechatnoj produkcii. In: *As-salam**. No. 7. Aprel' 2004 g. (in Russian)
10. Koran. *Sura 25, ayat 52*. Per. s arab. i komment. M.-N. O. Osmanova. Moscow, 1999. (in Russian)
11. *Fetva o priemlemosti termina “dar as-salam va l'islam” k Dagestanu i podobnym emu oblastyam*. URL: <http://www.Kavkaz-uzel.ru/articles/21435> (data obrashcheniya: 3.11.2014). (in Russian)
12. *Materialy Mezhdunarodnoj bogoslovskoj konferencii “Rossijskie musul'mane: prava i obyazannosti”*. Mahachkala, 2014. (in Russian)
13. Batyr R. *Uchenie Abu Hanify popalo v DUM RT pod neglasnyj zapret?* URL: <http://https://www.business-gazeta.ru/article/338218%2029.03> (data obrashcheniya: 29.03.2017). (in Russian)
14. Bisavaliyev M. Otstupat' nekuda, pozadi Dagestan. In: *Dagestan*. 2017. No. 3, p. 1.
15. Ali-zade A. Takfir. In: *Islamskij enciklopedicheskij slovar'*. Moscow, 2007. (in Russian)
16. Yakovleva E. Krizisnyj Krit. In: *Rossijskaya gazeta*. 14 iyunya 2016 g. (in Russian)
17. Zubec O.E. *Ekspertnaya ocenka original-maketa uchebnika “Osnovy svetskoj etiki”. 4–5 kl. Bondarenko L.I., Perov V.Yu*. URL: http://www.iph.ras.ru/page_50062154.htm (data obrashcheniya: 13.10.2012). (in Russian)
18. *Novoe delo*. Razdel “Vopros – otvet”. 12 maya 2013 g. (in Russian)
19. Putin V.V. Rossiya: nacional'nyj vopros. In: *Nezavisimaya gazeta*. 23 yanvarya 2012 g. (in Russian)
20. Vorob'eva I.V. Patrioticheskie ustanovki zhitelej sela. In: *Smysly sel'skoj zhizni (opyt sociologicheskogo analiza)*. Pod red. Zh.T. Toshchenko. Moscow, 2016. (in Russian)
21. Dorynina E. “Avrora” nam ne snitsya. In: *Rossijskaya gazeta*. 20 marta 2017. (in Russian)

22. Aliev Sh. Razmen pozicij. In: *Chernovik*. 21 oktyabrya 2016 g. (in Russian)

23. Perechen' dopolnen. In: *Rossijskaya gazeta*, 15.11.2013; 15.01.2014; 27.04.2015; 20.07.2015; 21.08.2015; 14.09.2015; 19.10.2015; 17.11.2015; 14.03.2016; 06.04.2016; 18.05.2016; 14.10.2016. (in Russian)

24. *Pochti desyatok ekstremistskih social'nyh grupp i 500 sajtov zablockirovany v Dagestane v 2016 godu prokuratura*. URL: <http://www.interfax-russia.ru/South/news.asp?id=800377&sec=1671> (data obrashcheniya: 20.01.2017). (in Russian)

25. *Religii i religioznye organizacii v Dagestane: spravochnik*. Mahachkala. 2001. (in Russian)
